

Скажу сразу, ответ на этот вопрос неизвестен. Я лишь позволю себе высказать предположение, кто из агентов советской политической разведки, работавших в Японии в 30-х годах прошлого века, мог носить псевдоним Лео. Гипотеза небесспорна. И ряд соображений, о которых читателю также предстоит узнать, дают мне основание полагать, что точного ответа на этот вопрос мы никогда не получим. Документов, свидетельствующих о спецкомандировке человека, о котором пойдет речь в этом очерке, также не найдено.

Рассказ, пожалуй, следует начать почти с конца нашей истории, с января 1939 года, когда группа агентов японской военной разведки, состоящая из семи человек, перешла границу СССР возле турецкого селения Борчки. Первые метры абхазского ущелья встретили террористов плотной южной темнотой и обнадеживающей тишиной.

Бывшие белогвардейцы, составлявшие основу террористической группы, двигались к Мацесте, где тогдашний советский лидер Иосиф Сталин лечил заработанный им в шести северных ссылках полиартрит. Вел группу в недавнем прошлом комиссар госбезопасности 3 ранга, начальник УНКВД по Дальневосточному краю Генрих Самойлович Люшков, перебежавший в Маньчжурию 13 июня 1938 года из Приморья, на участке Посьетского пограничного отряда. До того как оказаться в Хабаровске, он возглавлял управление Народного комиссариата внутренних дел по Азово-Черноморскому краю, неоднократно посещал и сталинскую дачу в Сочи, и лечебницу в Мацесте. Люшков, согласно существующей версии, и предложил новым хозяевам из Токио организовать покушение на советского лидера.

По нарисованному бывшим чекистом плану японцы в Южной Маньчжурии, вблизи города Чанчунь построили копию водолечебницы Мацесты. Здесь проходили тренировки террористической группы. Они показали, что шанс на успех у диверсантов есть. После завершения тренировок группу в сопровождении агентов японской военной разведки окольными путями отправили в Турцию. Но до Мацесты Люшкову и шестерым его спутникам добраться не удалось. В нескольких сотнях метров от границы их встретил пулеметный огонь пограничников.

Трое террористов – Николай Лебеденко, Леонид Малхак и Михаил Сурков – в завязавшейся перестрелке погибли. Четверо – Борис Безыменский, Исаак Зеленин, Виталий Смирнов и Генрих Люшков – сумели вернуться в Турцию, что в данной ситуации представляется фактом невероятным.

Очевидно, что советские органы безопасности ждали террористов. Оперативная целесообразность подсказывала и тактику действий: группу пропускают вглубь территории, отрезают от границы и прилагают все усилия к захвату агентов японской разведки живыми, тем более что с ними идет Генрих Люшков, которого некоторые зарубежные журналисты того периода поспешили назвать личным врагом Сталина.

После задержания террористов следовало ожидать открытого судебного процесса, на котором Люшков и компания рассказывают всему миру об организации Токио покушения на главу советского государства. Думаю, что международный скандал обернулся бы десятком харакири в верхних эшелонах японского генштаба и разведки.

Но происходит все иначе. С террористами завязывают вблизи границы перестрелку, часть группы ликвидируют, остальным дают возможность укрыться на территории Турции. Объяснение этим странностям можно дать только одно: советская сторона была заинтересована в возвращении кого-то очень важного из состава группы к японским хозяевам.

Эти соображения стали очевидны и Токио. Спустя некоторое время японцы сумели выяснить, что информацию о сверхсекретной операции разведки Страны восходящего солнца, получившей кодовое название «Медведь», в Москву передал агент советской разведки под псевдонимом Лео. Под подозрением оказалась четверка диверсантов, спасшихся от пограничников. Вину ни одного из них доказать не удалось, но дальнейшее сотрудничество с террористами-неудачниками японская разведка вела крайне дозированно, в том числе с Генрихом Люшковым.

Он получит гражданство Страны восходящего солнца. До момента гибели Люшкову формальная должность консультанта японской военной миссии (ЯВМ – военная разведка) по СССР обеспечивала сносные условия жизни, но к тайным операциям его уже не привлекали. Новые хозяева Люшкову больше не доверяли, а потому, когда в августе 1945 года возникнет угроза захвата советскими войсками бывшего комиссара госбезопасности, японцы поспешат его ликвидировать.

Этими странностями авантюрная история жизни одного из самых известных советских перебежчиков не исчерпывается. Первыми на них обратили внимание историки органов

государственной безопасности Дальнего Востока Алексей Буяков, Андрей Полотов, а также генерал-майор Владимир Нечипорюк, который, прежде чем возглавить Управление ФСБ России по Камчатскому краю в 2005–2010 годах, служил в Приморье.

По их сведениям, водитель, который повез Люшкова в его последнюю командировку на границу, где, по заявлению комиссара госбезопасности, ему требовалось встретиться с важным закордонным агентом, получил очень либеральное наказание за то, что не мог распознать в своем начальнике врага народа. И это при том, что на дворе стояло лето 1938 года – время активных политических репрессий. Под арестом водитель содержался в весьма комфортных условиях и вышел на свободу значительно раньше назначенного ему срока лишения свободы.

Начальник пограничной заставы, который сопровождал Люшкова к месту предполагаемой встречи с закордонным агентом, репрессий избежал вовсе.

Симптоматично и отношение к семье Генриха Люшкова. До сих пор, несмотря на рассекреченные документы о судьбах жены комиссара госбезопасности Нины Люшковой-Письменной и его падчерицы Людмилы, во вполне солидных изданиях можно встретить рассказы о том, что супругу после изуверских пыток в застенках Лубянки расстреляли, а ребенок где-то сгинул в спецприемниках.

Реальность с этими фантазиями не имеет ничего общего.

В январе 1939 года Н. Люшкову-Письменную как члена семьи врага народа осудили на восемь лет лагерей. В каких местах она отбывала свой срок, мне неизвестно. Но, если она и находилась в лагерях, то, как и водитель ее мужа, весьма недолго. 15 февраля 1940 года особое совещание при НКВД постановило считать Н. Люшкову-Письменную отбывшей срок и отправило в пятилетнюю ссылку. Скончалась она в Латвии в 1999 году. Спустя 11 лет там же умерла и ее дочь, которая, пока мать находилась то ли в лагерях, то ли на специальной даче, воспитывалась родственниками.

Вызывает сомнение и возможность самой поездки Генриха Люшкова «на встречу с закордонным агентом» в ситуации, в которой комиссар госбезопасности оказался к июню 1938 года.

Незадолго до описываемых событий он получил распоряжение выехать в Москву для получения нового назначения без указания конкретной должности. Как правило, за таким вызовом следовал арест. Более того, еще 26 мая 1938 года Люшкова освобождают от обязанностей начальника УНКВД по ДВК по формальной причине – реорганизации Главного управления государственной безопасности. Лишившись должности, Люшков лишается и права заниматься святой святых деятельности спецслужб – оперативной работой, тем более с закордонной агентурой. Для встречи с ее представителями в подобных условиях требовалась санкция Москвы.

Никто не препятствует командировке бывшего начальника управления на юг Приморья. Поездка в Посьет переносила прибытие в столицу срочно вызванного в Москву Люшкова минимум на полторы-две недели. В такой ситуации командировка Люшкова в Хасанский район представляется невероятной, однако вопреки всем существующим правилам она состоялась.

Но и этими фактами все странности с побегом комиссара госбезопасности в Маньчжурию не исчерпываются. Алексей Буяков и Андрей Полутов еще более 15 лет назад обратили внимание на то, что перебежчик выдал японцам либо агентов-двойников, либо уже задержанных нелегалов, либо тех, до кого контрразведка Токио дотянуться не могла. Резидентура НКВД, равно как советская военная разведка, в Маньчжурии и Японии после побега Люшкова существенного урона не понесла.

Из этого факта можно сделать как минимум два вывода. Первый из них читателю понятен. А второй состоит в том, что, если и имело место сознательное предательство, то Генрих Люшков не выдал действующую агентуру, будучи человеком высокой нравственности и долга. Увы, те сведения, которыми я располагаю о комиссаре госбезопасности, такого заключения не позволяют сделать.

Кровавый след Генрих Люшков оставлял повсюду, где служил, но организованные им репрессии на Дальнем Востоке отличаются особым размахом и изощренностью. В ряде современных публикаций о начальнике УНКВД по ДВК словно под копирку сообщается, что он виновен в аресте своего предшественника Терентия Дерибаса и 40 видных дальневосточных чекистов. Вторит этой версии и статья в «Википедии». На самом деле репрессированных сотрудников Управления НКВД по Дальневосточному краю, в том числе на Камчатке, было гораздо больше. При этом к аресту Дерибаса Люшков отношения не имел. Терентий Дмитриевич вызов в Москву с билетом в один конец

получил за месяц до появления в Хабаровске Генриха Самойловича.

О деятельности Люшкова на Дальнем Востоке, о некоторых его человеческих качествах позволяют судить показания прибывшего в группе Г.С. Люшкова из Ростова в Хабаровск старшего лейтенанта госбезопасности М.П. Рысенко, арестованного позднее за эскалацию незаконных репрессий:

«Работая с 1936 года в УНКВД по Азово-Черноморскому краю, я замечал, что руководство управления – Г.С. Люшков, М.А. Каган, Г.М. Осинин-Винницкий (все прибыли в Хабаровск. – **В.С.**) – направляло работу не на вскрытие глубоких контрреволюционных формирований, а на чисто внешнюю эффективность, погоню за количеством арестованных... Следователи под руководством Люшкова, Кагана, Осинина-Винницкого при оформлении протоколов вставляли в них произвольно много лиц, о которых обвиняемые вовсе не показывали».

Рысенко, столкнувшись с такой практикой ведения следствия, намеревался написать о ней в ЦК ВКП(б). О том, что молодой сотрудник начал готовить документы для органов партийного контроля, стало известно Кагану, и он умело, незаметно для самого начинающего работника, сделал его частью преступного механизма фальсификации уголовных дел.

«Попав в зависимость от Люшкова, – продолжал далее рассказывать следователям Рысенко, – я стал выполнять предательские задания и в конце 1937 года как приближенный к начальнику управления вместе с Малаховым, Малкевичем, Удальцом, Евтушенко, Круминым, Каваевым, Селивановым, Родионовым и другими работниками НКВД из Ростова выехал на Дальний Восток.

Должен, однако, сказать, что ростовский период предательской деятельности Люшкова, Кагана, Осинина-Винницкого (при моем, разумеется, участии) бледнеет перед той предательской системой работы, которую мы... практиковали в Дальневосточном крае.

Еще на пути следования в Хабаровск все следующие из Ростова лица устраивали сборища в вагоне Люшкова, на которых договаривались держаться... друг за друга,

изолироваться от остального коллектива, никаких знакомств... не заводить и не болтать о ростовских делах. Люшков поставил перед нами задачу о перенесении «опыта» следственной работы из Ростова в Хабаровск...»

На Дальнем Востоке новый начальник краевого управления встретился с сослуживцем по Украине – начальником УНКВД по Приморской области капитаном г/б. Яковом Савельевичем Визелем. Для последнего эта встреча обернулась трагедией. Визеля арестовали, как и других начальников областных управлений, но после нескольких дней содержания во внутренней тюрьме краевого управления он неожиданно почувствовал себя плохо. Капитана отвезли в больницу, где он и скончался. Рысенко уверял следователей, что Визеля отравили. Считает, что по прямому указанию Люшкова. В качестве доказательства Рысенко ссылается на разговор с Осининым-Винницким. Тот, говоря, что Визель бывший украинский работник и много знает о Люшкове, подчеркнул: «... не в наших интересах держать человека с таким языком».

Из ростовских чекистов на Камчатке в 1937–1939 годах служил бывший личный секретарь Люшкова – К.Н. Случанко.

Очевидно, что Генрих Самойлович на образ рыцаря без страха и упрека не тянет, но ведь что-то его заставляло давать японцам дозированную информацию?

В связи с предательством Люшкова неоднократно всплывает имя Рихарда Зорге, носившего псевдоним «Рамзай». С определенного момента его считают суперагентом советской военной разведки. Автор одного из очерков о побеге Люшкова с радостью сообщает, что предатель не знал о Рихарде Зорге, в противном случае СССР лишился бы возможности получать ценнейшую информацию.

Все дело в том, что главный дальневосточный чекист подробные сведения о существовании «Рамзая» имел, и тому есть документальные подтверждения. Да, Рихард Зорге представлял разведку РККА, а не НКВД, но связь с ним поддерживалась через расположенную в Посьете радиостанцию специального назначения Народного комиссариата внутренних дел, работу которой непосредственно курировал Люшков.

Сам «Рамзай» к истории с перебежчиком также имел непосредственное отношение.

Рихард Зорге сумел переправить в Центр материалы с показаниями Люшкова японской и немецкой разведкам.

Дело в том, что, когда Токио предал огласке информацию о перебежчике, бывшим комиссаром госбезопасности заинтересовались и германские спецслужбы. Глава Абвера (немецкая военная разведка и контрразведка) адмирал Канарис направил в Японию полковника Грейлинга. Он после допросов перебежчика подготовил документ, получивший название «Доклад о встречах между Люшковым и немецким специальным представителем и связанная с этим информация».

Грейлинг познакомил с докладом немецкого военного атташе в Японии майора Шолля. Через последнего доступ к документам получил и Рихард Зорге, сумевший даже часть страниц скопировать.

Такова официальная версия. Но можно ли всерьез верить в то, что военный атташе знакомит с секретными документами пускай даже своего друга, но все-таки журналиста Зорге, к тому же с хорошо известным коммунистическим прошлым, а потому считавшимся фашистским режимом неблагонадежным? Предлагаю читателю самому дать ответ на этот вопрос. Не исключаю, что германские спецслужбы искали канал для передачи дезинформации Москве.

Утверждается, что советское руководство, получив копию доклада полковника Грейлинга, пришло в ужас. Дескать, перебежчик раскрыл секретнейшую информацию о состоянии и вооружении войск, укрепрайонах Красной Армии на Дальнем Востоке. Но только что мог знать об РККА начальник УНКВД, проведя в Хабаровске всего год и занимаясь абсолютно другими вопросами, что оказалось бы откровением для разведсообщества Страны восходящего солнца, которая располагала на территории СССР развернутой агентурной сетью. Я не удивлюсь, узнав, что японцы имели более точные сведения о качестве укреплений, политико-моральном состоянии, уровне боевой подготовки частей и соединений Дальневосточного фронта, чем его командующий маршал Василий Блюхер.

Секретных образцов вооружения на Дальнем Востоке, как и в целом в РККА, на тот момент еще не существовало. К тому времени СССР свои новейшие образцы бронетехники, самолетов поставляли в Испанию, где шла гражданская война, и где они регулярно в виде трофеев попадали в руки немцев, пришедших на помощь генералу

Франко. Разработки танков Т-34, КВ, самолетов Лавочкина, Микояна, Петлякова, Туполева, Яковлева, перспективных артиллерийских и реактивных систем, с которыми Советский Союз вступит в Великую Отечественную войну, еще только начинались или вовсе не велись.

Утверждается также, что Люшков передал японцам шифры, которыми пользовались НКВД и РККА, оперативные документы. Скажу только одно: бывший главный чекист не переезжал границу на грузовике, а пересекал ее пешком...

Мне не доводилось видеть переданных Зорге в Центр копий доклада полковника Грейлинга. Возможно, что информация о них также гипертрофирована, как и о других донесениях «Рамзая». Вопреки расхожему мнению, например, он никогда не называл точной даты нападения Германии на Советский Союз. Более того, в агентурном сообщении от 17 июня 1941 года «Рамзая» начальнику Разведупра РККА сама возможность вторжения ставится под сомнение: «Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает – будет война или нет».

Продолжают жить и другие мифы, связанные с Рихардом Зорге.

Руководство СССР, принимая осенью 1941 года решение о переброске стрелковых и механизированных соединений с Дальнего Востока, из Забайкалья и Монголии на советско-германский фронт, сведения о том, что Япония не начнет в ближайшее время войну против СССР, получила из источников, не имеющих отношения к агентурной сети «Рамзая».

Разведка Народного комиссариата государственной безопасности (просуществовал с февраля по июль 1941 года. — **В.С.**) в первые дни Великой Отечественной войны получила шифры японской дипломатической переписки и правительственной связи. В некоторых источниках можно встретить упоминание о том, что ключи к ним передал в Центр Рихард Зорге. На самом деле заслуга в получении шифров принадлежит криптоаналитикам НКГБ Б.А. Аронскому и С.С. Толстому, а также работавшему на советскую разведку японскому дипломату Идзуми Кодзо (к началу войны он занимал должность поверенного в делах Японии в Болгарии). Именно благодаря этой тройке Советский Союз не сомневался в относительной безопасности восточных границ зимой 1941–1942 годов. Работа Идзуми Кодзо на советскую разведку продолжалась после

небольшого перерыва и в послевоенные годы.

Оценка информации, направляемой группой «Рамзая» в Центр, требует отдельного серьезного исследования. Сомнения в ее корректности высказывались неоднократно. Многие приводимые в пользу этой версии доводы мне не кажутся бесспорными, но игнорировать их тоже нельзя.

Все реальные и вымышленные заслуги группы «Рамзая» стали достоянием широкой общественности после того, как эксцентричный советский лидер Н.С. Хрущев посмотрел фильм французского режиссера Ива Сиампи «Кто вы, доктор Зорге?». Название моего очерка имеет прямую аналогию с этой кинокартиной. Выводы и у меня, и в ней носят дискуссионный характер. Но Никита Сергеевич, просмотрев фильм, принял художественные интерпретации действительности режиссера и сценариста за чистую монету. Еще больше советский лидер, не любивший органы безопасности, возбудился, узнав, что группа «Рамзая» принадлежала к агентурной сети Разведупра РККА, а не НКВД.

В ряду тех, кто скептически оценивал деятельность Рихарда Зорге, находился и Иван Серов, первый председатель Комитета государственной безопасности СССР, а затем и руководитель Главного разведывательного управления Советской Армии. Одним словом, очень информированный человек. В недавно опубликованных мемуарах Ивана Серова, получивших название «Записки из чемодана», эти сомнения выражаются предельно откровенно: «Что касается «Зорге», кинокартину которую сделали итальянцы, французы и японцы, и последующее награждение Героем Советского Союза за то, что только он предупреждал о начале войны, – как видите, не соответствует действительности. И, более того, я, будучи в этот период в МГБ (НКГБ), не помню об этом и сейчас не представляю, чей это был агент!»

И если уж Иван Серов не понимал, интересы каких разведсообществ представлял Рихард Зорге, то нам и вовсе не дано знать, каким хозяевам он в первую очередь служил. Идентичное замечание относится и к деятельности Генриха Люшкова. Повторюсь: документальных свидетельств его нахождения в спецкомандировке не найдено.

Последнее обстоятельство, впрочем, не означает, что их не существовало вовсе. Если Генрих Люшков выполнял задание советского руководства, то о его особой миссии,

кроме главы государства, знали три-четыре человека, не больше. В их личных архивах и могли находиться документы, способные пролить свет истины на нашу историю. Но этого никогда не произойдет. Архивы И.В. Сталина, Л.П. Берия, особые папки ЦК ВКП(б) – КПСС, НКВД – МГБ в 50-х годах прошлого века прошли серьезную перлюстрацию. О том, как это происходило, рассказывает уже известный читателю Иван Серов, сам принимавший деятельное участие в чистке архивов:

«Через несколько дней после расстрела (Л. Берия. –□ **В.С.**) нас с Руденко (генеральный прокурор) вызвали на заседание Президиума ЦК и поручили разобрать в особом архиве ЦК все документы, касающиеся Берия и взаимоотношений со Сталиным. Особый архив ЦК находился в полуподвальном помещении Кремля. Вот мы недели две ходили туда на весь день, чтобы разобраться с документами...

В ходе ревизии архивов Берия и общего отдела ЦК КПСС было сожжено огромное число материалов наблюдений за партийно-советской элитой. Среди уничтоженных бумаг – и 261 страница разной переписки о Хрущеве...

Когда Берия расстреляли, Хрущев приказал нам с Руденко, не привлекая никого, вскрыть сейфы Берия, доложить и по его указаниям составить акты и уничтожить часть материалов. Остальные материалы и архив из сейфов в Совмине, Спецкомитете по атомной бомбе (его возглавлял Л. Берия. –□ **В.С.**) и в НКВД – НКГБ были переданы в канцелярию общего отдела ЦК Суханову.

Еще до этого, как мы потом с Руденко узнали, сразу после смерти Сталина Хрущев, Берия и Маленков поручили Суханову и Людвигову просмотреть личный архив Сталина...»

Иван Серов еще много рассказывает о «работе с архивами». Подобная чистка проходила не только в центре, но и в регионах, потому мы сегодня о многих событиях первой половины прошлого века уже никогда не узнаем истины...

Последние события в жизни Генриха Люшкова также вызывают немало вопросов. Трудно объяснить причины, которые заставили японцев пойти 19 августа 1945 года на его ликвидацию. Лишенный доступа к конфиденциальной информации, он едва ли

располагал сведениями, способными нанести Токио серьезный ущерб, сколь-либо сопоставимый с поражением Страны восходящего солнца во Второй мировой войне. Или все-таки японцы считали Люшкова советскими агентом? Ответа нет. Многие исследователи считают уничтожение перебежчика не более чем легендой и утверждают, что после войны он оказался в США и дожил до глубокой старости.

Но руководитель Дайренской японской военной миссии Ютака Такеока, начальник разведывательного отделения этого подразделения ЯВМ Аримица Кадзуо на допросах, протоколы которых сохранились, подробно рассказывают об уничтожении Генриха Люшкова.

Бывшего чекиста пытались отравить цианистым калием, но перебежчик, видимо, что-то предчувствуя, отодвинул чашку чая с подмешанным в него ядом. Ютака Такеока решил больше «чайных церемоний не устраивать» и выстелил из браунинга в «левую сторону груди» Люшкова...

О дальнейших событиях рассказал Аримица Кадзуо: «Такеока приказал нам отнести труп в заднюю часть двора. Когда мы стали поднимать его, человек застонал. Такеока приказал мне задушить этого человека, но я отказался. Тогда Такеока приказал его застрелить. Я взял пистолет и выстрелил в висок. Труп мы завернули в одеяло, отнесли его на задний двор, бросили на кучу угля... Той же ночью Такеока предложил труп кремировать как японского военнослужащего Ямогучи, покончившего жизнь самоубийством...»

Так официально завершилась одна из самых таинственных историй XX века.

Владимир СЛАБУКА